

Татьяна ИВАНОВА

НЕ НАЧИТАТЬСЯ...

«Давно, за суетой бессрочной, к тебе я, милый, не писал и в тихий край земли полночной докучных строк не посылал. Давно на лире я для друга в часы свободы и досуга сердечных чувств не изливал». Но пора же и написать, пора. Когда я закрываю последнюю страницу очередной прекрасной книги, я всякий раз представляю себе, как мы выберем с тобой время посреди суеты своей бессрочной да и поговорим о ней. Я люблю эти беседы. Впрочем, и «суету» тоже люблю... В конце концов «это жизнь — мы живем! Не хочу я другой жизни в жизни моей!».

Ты улыбаешься: понял, какую книгу я теперь листаю. Ну перевернем страницу. Легкой жизни не бывает, правда. Как оглянешься назад, как предстанет глазам «вся повесть прежних дней...». Спросишь себя, что пройдено, понято, так и надо ответить: «Узнал родных, к родству холодных; в друзьях — предателей притворных; в толпах людей — толпы невежды; обманчивость земных надежд; в обетах — лживые обманы; в невинном взгляде — лживый взор; в умах возвышенных — туманы, надутый глупости позор...». Но, скажешь себе, «скорби не отдам» себя. Да, «кручину, что тучу, не уносит ветром» — оно так. Да, «тяжелей горы, темней полночи легла на сердце дума черная». Но «доколь мочь и сила, доколь душа в теле, буду я трудиться...». И «пусть нас веселых видит зря!».

А. В. Кольцов. «Сочинения». Издательство «Правда». Возьми эту книгу в руки, побудь с ней подольше. Что-то есть в Алексее Кольцове такое, чего нет больше ни в ком, ни в одном из великих поэтов. И это «что-то» — как живая вода душе. Вот я говорю сейчас с тобой его стихами. А ведь ими можно думать, плакать, поучать, клясться, пророчить, веселиться, петь, признаваться в любви. Ты, конечно, и сам это знаешь. И все же так хочется подарить тебе Кольцова: уж наверняка «за суетой бессрочной» ты давно без него живешь.

Послушай: «Не одно ль мгновение и весне и юности...». Хорошо? А это: «Духи неба, дайте мне крылья сокола скорей! Я в полночной тишине полечу в объятья к ней». Какие дивные любовные строки... Переверни страничку: «Загадочной жизни прожиты мечты...». Строка из тех, по каким великий поэт виден сразу, по единой строчке. А в чем тут тайна, наверно, никто, даже самый умный не знает. «Не родился в сорочке, не родился талантлив, — родился терпеливым и на все готовым». Этот завет сама себе повторяю часто. И так же часто другой: «И чтоб с горем в пиру быть с веселым лицом; на потибель идти — песни петь соловьем».

Один из великих наших учителей. Из тех, кто вместе с Пушкиным, Толстым, Лермонтовым, Достоевским, Чеховым формирует наши характеры, души, влияет на наши поступки не меньше, чем мать, чем родная земля, не меньше, чем наши леса и реки. И дети наши пойдут с ним, и внуки, и правнуки...

Так случилось, что я читала дивную эту книгу одновременно с другой: Николай Скотов. «Кольцов. Жизнь замечательных людей». Счастливым совпало. Что я знала до Скотова о Кольцове?

Школьные знания жалки, университетские... тоже жалки. Прасол... Тупая купеческая среда... жестокая, темная семья, отсутствие культурного окружения... Белинский высоко ценил его... Он, Кольцов, автор замечательных песен...

В своей книге Скотов решительно разрушает мощную литературную инерцию, сопровождающую Кольцова во всю его жизнь, после смерти и в бессмертии.

У Кольцовых, оказывается, была простая семья, без спеси и напыщенности. Отец был человеком безукоризненной честности и никогда не хотел «лезть в бар». Биографы отмечали, что выдающийся ум был родовой чертой Кольцовых.

А кто же такой прасол? Это лихой наездник, удалец, не останавливающийся ни перед каким барьером. Прасолам часто случалось проводить дни и ночи в холоде, слякоти, грязи, на лютном морозе под открытым небом, под дождем и ветром. Они попадали под разбой, замерзали в степи, подвергались смертельным опасностям. Но Кольцов был истинный прасол, любящий свое мужественное ремесло, свою степь, свою волю в степи, и силу, и храбрость, и ловкость, и лихость.

Он приобщался к высокой культуре в «дворянские» двадцатье годы. Он жил «в довольно плотной литературной среде».

А Белинский — Белинский в самом деле высоко ценил его: назвал гениальным талантом. Вспомним, что до Кольцова он говорил о гениальности только Пушкина, Гоголя и Лермонтова. И даже он писал: «Несмотря на всю объективность своего гения, Пушкин не мог бы написать ни одной песни вроде Кольцова, потому что Кольцов один и безраздельно владел тайною этой песни».

Я бы очень хотела, чтобы книгу Николая Скотова прочитало как можно больше людей. Ее просто не должно пропустить тебе, мой друг, потому что нам с тобой равно дорога культура России, родная литература. Он дает нам Кольцова, Скотова, не только как великого поэта, но и как великого соотечественника, — пренебрегши этим знанием, мы пренебрегли бы огромным богатством.

Вот что пишет он о русской песне Кольцова: «Эта «русская песня» действительно общерусская, всерусская. Одно из первых и одновременно из последних явлений в русской литературе, носящих столь универсальный характер, подобно басне Крылова, комедии Грибоедова, роману Пушкина, поэме Гоголя...» Кольцов, «создав каких-нибудь два десятка песен, стал, по сути, одним из центральных явлений русского национального искусства. Почему? А потому, наверно, что Кольцов осуществил уникальный в своем роде эстетический акт, очень значимый в деле становления, а отчасти и восстановления национального мироощущения. Он перевел народно-поэтическое, эпическое, часто древнее сознание на язык современной жизни, на язык индивидуальности».

Так вот, в той самой книге (А. В. Кольцов. «Сочинения»), с которой я начала, есть и его письма, — по Скотову, «том великопленной прозы». В самом деле так,

ПИСЬМА ДРУГУ

Ох, как же остер был Алексей Кольцов... Знаешь ли про это? Из письма: «Хочешь забиться — и не можешь, о чем-то думаешь — и ничего не думаешь в то же время. Собираешься писать, сядешь, возьмешь перо и держишь его в руках, как дурак палку». Дарю тебе эту шутку. Она хороша и понятна любому пишущему человеку. А меж тем собираюсь я тебе написать о «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина. Только что вышли они в Ленинградском издательстве «Наука». У тебя есть прежние издание, 1982 года, «Правда»? То хорошее. А нынешнее — превосходное, с академическим шиком, академической обстоятельностью, с вариантами, подробностями, примечаниями, объяснениями.

17 мая 1789 года из Твери через Петербург, Нарву, Дерпт, Ригу выехал в путешествие по Европе русский писатель Карамзин. Было ему тогда 23 года. Он посетил Пруссию, Саксонию, Швейцарию, Францию и Англию. В сентябре 1790 года вернулся в Россию.

Он был русский представитель русской культуры, посланец русской литературы в Европе.

Рано взросли в старину... Или, наоборот, вовремя?

Как он искренне любопытен в своем странствии, как неутомимо любопытен, как любопытно искренен... Кто-то говорил, что язык его устарел, что читать его трудно? Боже мой, сколько же штампов в нашей литературной речи, сколь мощна литературная инерция.

Да это, поверь мне, живое, как вчерашнее, путешествие по Европе, написанное путешественником, самоотверженным в стремлении к познанию мира. Язык же его — русский, богатый, простой, точный. Ныне странствующим надо бы это читать как пособие — и по языку, и по стилю поведения русского за границей. Чтоб, с одной стороны, «не посрамить». А с другой стороны, съездить с наибольшей пользой для Отечества.

«...После обеда был я у славного Канта, глубокомысленного, тонкого метафизика, который опровергает и Малебранша и Лейбница, и Юма и Боннета... Я не имел к нему писем, но смеюсь города берет, — и мне открылись двери в кабинет его... Первые слова мои были: «Я русский дворянин, люблю великих мужей и желаю изъять мое почтение Канту».

Вот о другом визите — как-то афоризмы, послушай:

«Хозяин и хозяйка расспрашивали меня о России, и вопросы их были так умны, что ответы не приводили меня в затруднение».

Вот он посетил Гердера: «Дух ваш известен мне по вашим творениям; но мне хотелось иметь ваш образ в душе моей, и для того я пришел к вам — теперь видел вас и доволен».

«...Вчера вечером, идучи мимо того дома, где живет Гёте, видел я его смотрящего в окно, — остановился и рассматривал его с минуту: важное греческое лицо».

Франкфурт. Июль. Такой ли погоды ожидал он «в здешнем кротком климате»?

«Ночью дождь мочит меня и разливает дрожь по моей внутренности, однако ж наменная русская грудь не боится простуды, и питомец железного се-

вера смеется над слабым усилением маинских бурь».

Это он шутит — ведь письма-то к близким. Хоть разок бы так-то пошутить...

«В здешнем арсенале показывают стрелу, которую славный Вильгельм Телль сшиб яблоком с головы своего сына и застрелил императорского губернатора Гейслера, — что было знаком и общему бунту».

Надо ж было увидеть и эту стрелу.

«Лафатер давно уже поставил себе за правило не читать тех сочинений, в которых о нем пишут, и, таким образом, ни хвала, ни хула до него не доходит. Я считаю это знаком редкой душевной твердости; и человек, который, поступая согласно с своею совестью, не смотрит на то, что думают о нем другие люди, есть для меня великий человек».

Сколько можно выписать «из Карамзина» таких замечательных острот мыслей!

Надо тебе сказать, что Карамзин «всякий день» бывал у Лафатера, обедал у него и ходил с ним вечерами прогуливаться. Они беседовали о целях бытия.

Пересказать тебе «Письма» мне, к сожалению, не удастся. Рассказать даже о самых интересных его встречах — тоже не выйдет.

Я только скажу, что неутомимое его «пешеходство», восхождение с ним вместе (он шел один тогда!) на ледник в Альпах, его раздумья — все радость.

И скажу тебе на прощанье его слова: «Истинные дарования не остаются без награды: есть публика, есть потомство. Главное дело не получать, а заслуживать. Не писатели, а маратели всего более сердятся за то, что им не дают патентов».

Из иллюстраций к стихотворениям А. В. Кольцова.

Мне очень нравится это «главное дело не получать, а заслуживать». Оно всеобъемлюще, в нем вся нравственность... Или я ошибаюсь?

Не перестаю убеждаться в актуальности классики. «Социальная беллетристика» — сказал когда-то Белинский. «Дельное направление» — так он обозначил определенное движение в литературе. Для чего мы изобретаем новые термины, не скажешь ли ты мне, разве эти не совершенны?..

«Социальность, социальность — или смерти! Вот девиз мой», — провозглашал Белинский.

Счастливая мысль пришла издательству «Советская Россия» издать Некрасовский сборник «Физиология Петербурга». Редакторам, составителям сборников да и всем пишущим людям прекрасный подарок, умный и ко времени.

«...У нас довольно романов исторических, которые хотят знакомить публику с прошед-

шим бытом России в разные эпохи ее существования; довольно романов сатирических, нравоописательных, которые хотят знакомить ее с нравами современного общества; еще более у нас повестей в этом роде и целые томы нравоописательных, нравственно-сатирических и всяких юмористических статей. Но от этого нам ни сколько не легче... У нас совсем нет беллетристических произведений, которые бы в форме путешествий, поездок, очерков, рассказов, описаний знакомили с различными частями беспрдельной и разнообразной России, которая заключает в себе столько климатов, столько народов и племен, столько вер и обычаев и которой коренное русское народонаселение представляется такою огромною массой, с таким множеством самых противоположных и разнообразных пластов и слоев, пестряющих бесчисленными оттенками... А сколько материалов представляет собою для сочинений такого рода огромная Россия! Великороссия, Малороссия, Белороссия, Новороссия, Финляндия, остзейские губернии, Крым, Кавказ, Сибирь — все это целые миры, оригинальные и по климату, и по природе, и по языкам и наречиям, и по нравам и обычаям, и особенно по смеси чисто русского элемента со множеством других элементов, из которых иные родственны, а иные совершенно чужды ему! Мало этого: сколькими оттенками пестрит сама Великороссия не только в климатическом, но и в общественном отношении...».

Я с трудом останавливаю руку, ощущая грех: перебила гениальную речь. Там строка за строкой все мысли, которые мы с тобой пытаемся высказать друг другу в беседах, которые томят нас. Будто вчера написано для завтрашнего номера газеты, для следующего номера журнала.

«...Литература есть отражение общества, и все ее недостатки,

равно как и хорошие стороны, суть недостатки и хорошие стороны самого общества».

Эти слова оттуда, из той же статьи, из вступления к сборнику.

«Что мечты! Самые обольстительные из них не стоят в глазах Дельного (в разумном значении этого слова) человека самой горькой истины, потому что счастье глупца есть ложь, тогда как страдание дельного человека есть истина и притом плодотворная в будущем».

Это тоже оттуда. Из статьи «Петербург и Москва».

И послушай «видение паче слуха» я там вычитала, у Е. Гребенки, в «Петербургской стороне». И еще другую: «Славны бубны за горами...».

Тенденциозный сборник. Идеальный. Как нынче принято говорить, «высокая публицистика». Писали для сего-дня. Написалось для сего-века. Видимо, потому, что писали страстно, с любовью и ненавистью, с жадной убеждать, отстаивать свою истину...

Хорошие выходы книжки, одна за другой, друг мой. Не начинать. Не наравдаться.